
ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УДК 657

ДИЛЕТАНТИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Пятов М.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: m.pyatov@spbu.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов динамики экономического поведения субъектов социальных отношений, связанной с изменениями технологической (инструментальной) среды нашего существования, характерными для начала XXI в. – цифровизацией, интернет-технологиями, развитием поисковых алгоритмов, социальными сетями. Определяются возможные изменения в самоидентификации участника экономической деятельности в его взаимодействии с информационным полем, формируемым интернет-технологиями. Предлагается новое понимание феномена дилетанта и его роли в современных социально-экономических отношениях. Тема рассматривается в свете концепции «третьего мира» К. Поппера, положений теории инструментальной эволюции М. Маклюэна, теории постсовременности Э. Гидденса и идей «плоского мира» Т. Фридмана.

Ключевые слова: дилетант, дилетантизм, эволюция, технологии, информация, экономика, человек, современность, восприятие.

DILETTANTISM AND ECONOMIC LIFE IN A CONTEMPORARY CONTEXT

Pyatov M.L.

Saint Petersburg State University
E-mail: m.pyatov@spbu.ru

The article considers the issues of dynamics of economic behavior of the parties to social relations related to changes in the technological (instrumental) environment of our existence, typical for the beginning of the 21st century – digitalization, Internet technologies, development of the search algorithms, social media. Possible changes in self-identification of the participant of economic activity in his interaction with the information field formed by the Internet technologies are being revealed. A new understanding of the dilettante phenomenon and his role in modern social and economic relations is offered. The subject is considered in the light of the K. Popper's [three worlds] concept, provisions of the M. McLuhan's instrumental evolution theory, A. Giddens' postmodernity theory and T. Friedman's 'flat world' ideas.

Keywords: dilettante, dilettantism, evolution, technologies, information, economy, man, modernity, perception.

В последние годы самым широким образом обсуждаются вопросы влияния развития технологий на социальную жизнь. В части определения социально-экономических последствий проходящей на наших глазах технологической революции основными направлениями дискуссии служат, с одной стороны, оценка тех возможностей, которые появляются у участников общественных отношений благодаря использованию новых инструментов, а с другой – прогнозы относительно возможных изменений в распределении благ в связи с роботизацией хозяйственной деятельности [18]. Что же касается оценки влияния технологических новаций на изменение внешней среды нашего существования, то здесь дискуссия, как правило, ведется относительно прогнозов динамики когнитивных способностей человека и переходит в область, скорее относящуюся к предмету нейрофизиологии и т.п. [см., например, 8].

Однако, если принять во внимание утверждение о том, что «все социальные перемены суть последствия внедрения новых технологий ... и их проникновения в нашу чувственную, сенсорную жизнь» [9, с. 7], можно прийти к выводу о недостаточном внимании, уделяемом в этом обсуждении происходящим под воздействием динамики технологической среды изменениям в экономическом поведении участников хозяйственных отношений.

Этого вопроса – о возможном новом в экономическом поведении человека, обусловленном динамикой технологической среды его существования в XXI в. – и попробуем коснуться в этой статье. При этом считаем необходимым уже здесь обратить внимание читателя на то обстоятельство, что возможные в рамках рассмотрения этой темы вопросы психологии, нейрофизиологии, нейробиологии, психиатрии и прочих областей знания, безусловно, стоят далеко за рамками нашего изложения этой темы. Более того, данный материал отнюдь не претендует на законченное исследование в соответствующей области, но может рассматриваться как попытка постановки проблемы, проблемы, по нашему мнению, существующей и актуальной для современного социально-экономического знания.

ТЕХНОЛОГИИ И МЫ

Та часть социальной жизни, которая связана с передачей и получением информации, за последние годы изменилась до неузнаваемости. С ней, впрочем, изменилась и вся социальная жизнь в целом. В течение буквально мгновения на временной линейке истории в мире произошла информационная революция, сделавшая окружающее нас смысловое пространство таким, каким человечество не знало его никогда.

Цифровизация небывалого объема данных, интернет, открывший и революционно упростивший наш к этим данным доступ, социальные сети, кардинально изменившие формат человеческого общения, став при этом одним из основных инструментов современной социализации, – это те вещи, благодаря которым наш мир уже никогда не будет прежним. Препятствиями никогда уже не будем и мы сами, ведь технологии как инструмент нашей адаптации к условиям окружающей среды, будучи инструментом реализации наших мыслей и чувств, являются в то же время неотъемлемой частью нас самих. По определению К. Поппера (K.R. Popper; 1902–1994),

«инструменты – это в некотором роде экзосоматические органы» [14, с. 30]. Технологии, такие как лопата, нож, прирученная лошадь, подзорная труба, поезд, самолет, смартфон – это ничто иное, как формы нашей эволюции – это, если хотите, мы сами.

«Человек, – писал М. Маклюэн (М. McLuhan; 1911–1980), – робот не только в личных рефлексах, но и в культурном поведении, и во всех реакциях на продолжение тела, которые мы называем технологиями. Продолжения человека [инструментальные], со всеми их окружениями, суть очевидные области проявления процесса эволюции» [9, с. 23].

Распространение данных форм эволюции человечества как вида, безусловно, прогрессивно для него в целом, вызывает страх, неприятие, гнев у отдельных его представителей, отражая возникающую в связи с технологическим развитием внутривидовую конкуренцию.

«Когда кого-то ранит новая технология, когда частное лицо или корпоративная организация обнаруживает, что его своеобразие подвергается опасности физической или психической перемены, – они огрызаются в ярости самозащиты. Когда наше самосознание под угрозой, мы уверены, что у нас есть право на войну. Старый образ должен быть сохранен любой ценой» [9, с. 114]. «Новая технология разрушает образ, частный или корпоративный, любого общества, причем настолько радикально, что в сердцах людей поселяются страх и тревога и начинаются новые поиски идентичности. Никто никогда не изучал, какая мера информации необходима, чтобы расшатать образ индивида или общества. В наше время, во всяком случае, объем инноваций намного превосходит все, что было создано нового во всех культурах прошлого во всем мире. ... [и] Когда новая технология поражает общество, наиболее естественная реакция – вцепиться обеими руками в непосредственно предшествующий период, обнаруживая в нем знакомый и комфортный образ» [9, с. 143–144].

Однако именно обладание новыми технологиями как продуктом эволюции вида в целом делает его отдельных представителей победителями в конкурентной борьбе, обеспечивающей общий прогресс человечества. В этом утверждении можно увидеть отсылку к идеям Д. Морриса (D.J. Morris) о поведении его «голых обезьян» [11]. Однако в части, относящейся к нашему экономическому поведению, здесь следует, скорее, отослать читателя к работам Р. Френка (R.H. Frank) и его «дарвиновской экономике» [19].

Социодинамическая (в контексте идей А. Моля (A.A. Moles; 1930–1992) [10]) роль новых технологий, помимо прочего, состоит и в том, что выступая, с одной стороны, частью нас самих, они, с другой стороны, формируют окружающую нас как биологические единицы среду, нами определенным образом воспринимаемую и нас определенным образом меняющую. Здесь мы можем наблюдать как очевидные физиологические изменения представителей вида (изменение качеств (характеристик) среднестатистического человека под воздействием использования технологий), так и динамику механизмов восприятия нами сигналов окружающей среды.

По утверждению М. Маклюэна, «Дарвин и Маркс проигнорировали искусственную окружающую среду в своих теориях эволюции» [9, с. 42]. Но, «поскольку новые информационные окружающие среды суть прямые расширения нашей нервной системы, они состоят в значительно более тесной

связи с условиями человеческого существования, нежели былая «естественная» окружающая среда» [9, с. 44]. При этом «всякая контролируемая окружающая среда, всякая рукотворная окружающая среда выступает как фактор приспособляемости» [9, с. 81].

Если изменения первого рода становятся идентифицируемыми лишь в течение относительно длительного периода времени, то механизмы (схемы) работы процессов восприятия в последние годы подвергаются небывалой за историю человечества трансформации.

Однако в силу отмеченных выше причин первичной реакции общества на создаваемые им же новые технологии, «сотворенная человеком среда всегда игнорируется им в период, когда она только создается ... когда ее сменяет другая среда, она сразу становится зримой» [9, с. 21]. Именно поэтому оценка современности, необходимо предполагающая в определенной степени разрыв идентификации с нею, – это сложно выполнимая, но чрезвычайно актуальная задача, решение которой способно обеспечить по возможности адекватную оценку ее (современности) вероятных последствий. В частности, именно в настоящее время мы можем говорить об актуальности попыток оценить влияние развития технологий, формирующих современную нам искусственную окружающую среду, на изменение наших механизмов восприятия этой среды как поступающих нам информационных сообщений. Эти изменения соответственно способны повлечь за собой модификацию механизмов принятия нами решений, в том числе и в области нашей экономической деятельности.

ДОВЕРИЕ ПРОФЕССИОНАЛУ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Безусловно, стремительное развитие технологий – это черта социальной жизни, свойственная отнюдь не только XXI в. «Механистический процесс, начавшийся в XVIII столетии и обернувшийся возникновением новой сервисной среды – пресса, шоссе и почтовые маршруты, – быстро получил подкрепление с открытием парового двигателя и изобретением железных дорог. К середине XIX века уровень сервисов, доступных фабричным рабочим в индустриальном обществе, уже намного превосходил по масштабу сервисы, которые мог монополизировать частный капитал» [9, с. 9]. Вместе с тем формируемая этими технологическими новациями искусственная окружающая среда воспринималась участниками общественных отношений посредством взаимодействия с профессионалами в соответствующих областях знания. И (может быть заново) сложившийся еще в средние века способ коммуникации с отдельными областями «мира благ и знания о них» через посредничество профессионалов в соответствующих областях и доверия к их действиям, до определенного момента только усиливался с развитием технологий. Здесь можно утверждать, что эти процессы достигли своей кульминации в XX в.

Именно указанное выше обстоятельство позволило Э. Гидденсу (A. Giddens) утверждать, характеризуя социум конца XX в., что «природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам» [7, с. 212].

Экспертные системы представлены профессионалами в различных областях деятельности, «личные обязательства [которых] находятся в сильной зависимости от того, что может быть названо манерой вести себя представителям или операторам системы. Мрачная рассудительность судьи, формальный профессионализм доктора или стереотипная веселость команды самолета, обслуживающей пассажиров, все это подпадает под эту категорию. Все участники понимают, что уверенность необходима и что это уверенность двоякого вида: в надежности отдельных вовлеченных индивидов и в (по необходимости скрытых) знаниях или навыках, к которым обычный человек фактически не имеет доступа» [7, с. 214–215].

Как тут не вспомнить строки из сочинения Р. Бэкона (R. Bacon; ок. 1214 – после 1292) «О тайных деяниях искусства и природы и о ничтожности магии», где он давал советы по поведению медикам-профессионалам: «Однако следует учесть и то, что опытный врач, да и любой, кто должен воодушевить [другого], может с пользой употреблять заклинания и заговоры, пусть даже и пустые ... . И это не потому, что сами магические формулы и заклятия делают нечто, но для того, чтобы пациент воодушевился, более охотно и с большим желанием принимал лекарство, больше уповал, надеялся [на выздоровление] и пребывал в хорошем расположении духа, поскольку когда он воодушевлен, его душа может многое восстановить в своем теле, так что он выздоровеет благодаря доверию и хорошему расположению духа» [3, с. 423].

«Пациенты, – продолжает Гидденс, – вероятно не доверяли бы медицинским работникам так безоговорочно, если бы имели полную осведомленность об ошибках, которые были сделаны в больничных палатах и на операционном столе» [7, с. 216]. «Коды профессиональной этики, в некоторых случаях поддерживаемые правовыми постановлениями, образуют тот способ, при помощи которого доверительность коллег или партнеров управляется изнутри» [7, с. 216].

Более того, подчеркивает Гидденс, «в большинстве современных систем образования обучение наукам всегда начинается с «первых принципов», а знание рассматривается, в той или иной степени, как не подлежащее сомнению. Только если кто-то продолжает изучать науку еще некоторое время, то она или он, вероятно, столкнется со спорными вопросами или же станет полностью осведомлен о потенциальной ошибочности всех положений научного знания» [7, с. 219].

«Наука, таким образом, имеет давно поддерживаемый образ надежного знания, который перетекает в установку уважения к большинству форм технической специализации. ... [Отсюда, можно утверждать, что] ... Потребность в доверии возникает лишь там, где есть неведение. ... Популярные представления о научной и технической экспертизе по преимуществу ставятся в один ряд с установками враждебности или страха... На профессии, чье требование к специальному знанию видится в основном как “закрытое предприятие”, а обладание внутренней терминологией кажется изобретенным для защиты от “людей с улицы” – как это имеет место с юристами и социологами, – обычно смотрят особенно подозрительно» [7, с. 219]. В этой связи «уважение к техническому знанию сочетается с прагматиче-

ской установкой в отношении абстрактных систем, в основе которой лежит либо скептицизм, либо почтение» [7, с. 220].

Таким образом, приходит к заключению Гидденс, «вера, которая поддерживает доверие к экспертным системам, включает блокировку незнания обычного человека в случае встречи с утверждениями экспертизы; но осознание областей незнания, с которыми сталкиваются сами эксперты в качестве индивидуальных деятелей и применительно ко всеобщим областям знания, может ослабевать или подрывать эту веру со стороны обычных людей» [7, с. 269].

Последствия доверия профессионалам со стороны членов общества, не являющихся специалистами в соответствующих областях знания, прекрасно охарактеризовал Ф. фон Хайек (F.A. Hayek; 1899–1992), который подчеркивал, что «отдельный человек не в состоянии усвоить все то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе. И вся наша цивилизация, таким образом, неизбежно покоится на нашей доверии к вещам, истинность которых мы не в состоянии знать в картезианском смысле» [21, с. 31]. Отсюда «член [современного] цивилизованного общества отличается не столько большим объемом знаний, сколько огромными возможностями извлекать пользу из знаний других людей, что и определило его способность преследовать бесконечно более широкий круг целей, чем необходимо для удовлетворения его самых настоятельных материальных потребностей» [21, с. 33]. Таким образом, писал он, «важнейшей характеристикой нашей цивилизации является то, что мы все получаем выгоду от знаний, которыми сами не располагаем. И один из способов, с помощью которых цивилизация позволяет нам обойти ограниченность объема индивидуального знания, заключается в преодолении неведения не методами умножения объема индивидуальных знаний, а за счет использования знаний, рассеянных среди членов общества» [21, с. 34].

Однако развитие и усложнение всей системы знаний человечества – этого третьего мира К. Поппера [14, с. 47–78], необходимо привело к положению, отмеченному Гидденсом и способствовавшему тем процессам изменения авторитета специального знания, о котором речь пойдет ниже: «Никто не может, – писал Гидденс, – стать экспертом, как в смысле овладения полноценным экспертным знанием, так и должных формальных обязательств, более, чем в нескольких маленьких областях весьма сложных систем знания, существующих на сегодняшний день. Однако, никто не может взаимодействовать с абстрактными системами без овладения некоторыми элементарными знаниями о принципах, на которых они основаны» [7, с. 286].

ОТ ДОВЕРИЯ К «САМОСОТРУДНИЧЕСТВУ»

Развитие технологий обработки и хранения данных позволило создать не поддающиеся воображению информационные ресурсы (хранилища информации), доступ к которым был обеспечен через интернет. Сложилась небывалая для истории человечества ситуация. Любой пользователь персонального компьютера, подключенного к интернету, получил свободный доступ к гигантской «всемирной библиотеке», любая страница сокровищ которой могла быть открыта им, что называется, в «один клик».

Единственным необходимым действием в поиске нужных данных стал набор соответствующего запроса в Google или иной поисковой системе. Очень скоро это действие стало доступно практически в любой точке земного шара. Интернет тем самым обеспечил непрерывное подключение любого желающего к некоему «мировому разуму» – «третьему миру» К. Поппера. Чрезвычайно быстрое развитие алгоритмизации поиска «нужных» данных, снятие проблем с переводом соответствующих данных на «нужный» пользователю язык, максимально упростили этот и так чудовищно упрощенный по историческим меркам процесс добычи информации.

Пользование значительной (если не большей) частью ставших таким образом доступными каждому данных всегда предполагало необходимость определенных профессионального образования и навыков. В содержании таких данных ничего не изменилось. Они остались «профессионально ориентированными», но если раньше (в доинтернетовскую эпоху) и поиск этих данных был доступен во многом лишь профессионалам, то теперь это ограничение было снято. Любой человек получил возможность познакомиться с информацией, десятилетиями, а то и веками рассматривавшейся в каком-то смысле как привилегия профессионалов в той или иной области.

Эта революционная трансформация «ритуалов доступа» к профессионально ориентированным данным чрезвычайно быстро изменила впечатления от результатов знакомства с ними у широких масс пользователей интернет-ресурсами. В сверхкороткие сроки изменились границы иллюзии понятности предоставляемых интернетом данных, иными словами, объемы данных, кажущихся их потребителю (пользователю интернета) понятными, возросли до небывалых масштабов. По всей видимости, здесь сработал целый ряд факторов, сформировавших такой вот кумулятивный эффект.

Прежде всего, это отмеченное еще Аристотелем стремление человека к ощущению понимания чего-либо. «Все люди от природы стремятся к знанию» – с этих слов начинается «Метафизика» [2, с. 5]. Всем нам нравится ощущение понимания, оно доставляет нам удовольствие, и, наоборот, непонимание, его признание – это источник негативных эмоций для нас. Вспомним слова Ф. Бэкона (F. Bacon; 1561–1626): «всякое знание и удивление (которое является зерном знания) сами по себе доставляют удовольствие» [4, с. 88].

Однако здесь также можно вспомнить и знаменитый диалог Нунана и Валентина из «Пикника на обочине» братьев Стругацких:

«Ну а как насчет того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

– Я тоже, – сказал Валентин. – Но вся беда в том, что человек, во всяком случае массовый человек, с легкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По-моему у него такой потребности и вовсе нет. Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, дает ни с чем не сравнимую возможность абсолютно все понять, абсолютно ничего не узнавая... Дайте человеку крайне упрощенную систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощенной модели. Такой подход не требует никаких знаний. Несколько заученных формул плюс так называемая ин-

туция, так называемая практическая сметка и так называемый здравый смысл» [16, с. 173].

Чрезвычайное упрощение ритуала доступа к данным сформировало ощущение и чрезвычайной простоты их понимания. А раз понять что-то просто, то мы готовы это понять, т.е. поверить в то, что мы это поняли. С другой стороны, в условиях отсутствия у нас доступа к данным, которыми владеет профессионал, мы необходимо испытываем ощущение конкурентного проигрыша ему в сфере его профессиональной деятельности. Мы слабы перед ним, мы не можем с ним конкурировать, и это касается даже вопросов нашей бытовой повседневности. Мы не специалисты в области, предположим, строительных работ, кулинарии, медицины, сантехники, юриспруденции, обслуживания транспортных средств и т.п. Чрезвычайное упрощение доступа к профессиональной информации делает нас потенциальными участниками этого конкурентного соперничества с профессионалами, как бы выравнивая наши потенциальные возможности.

Как еще в 2005 г. писал Т. Фридман (T.L. Friedman), «никогда прежде в истории планеты у такого огромного количества людей не было возможности *самостоятельно* (выделено автором) добыть столько информации о стольких вещах, событиях и людях. ... [любому] открывается тот же самый базовый доступ к поисковой информации, что и всем остальным. Возникает ситуация абсолютного равенства» [20, с. 198].

Говоря о социальной роли компании Google, Фридман писал тогда, в уже далеком от сегодняшнего дня 2005 г., что ей удалось «организовать громадное, кажущееся беспредельным количество доступной в Сети информации, причем организовать *конкретно для Вас* (выделено нами. – М.П.)» [20, с. 199]. Эта иллюзия фактически персональной организации поисковика для его конкретного пользователя сыграла очень важную роль в формировании обсуждаемого нами феномена.

Успех Google, согласно Фридману, «измеряется тем, насколько сильно людей притягивает эта возможность – иметь все знание мира на кончиках своих пальцев. Нет более радикального выравнивателя, чем идея сделать все мировое знание, или хотя бы солидную его часть, доступным любому человеку в любое время и в любом месте» [20, с. 199].

Самостоятельный поиск данных в Сети Фридман определил как новый вид сотрудничества человека – «*самосотрудничество*». Собственно, сам этот термин, согласитесь, уже звучит убийственно для идеи доверия профессионалу. «К какой ипостаси сотрудничества можно отнести интернет-поиск? – пишет Фридман. – Я называю ее «ин-формированием». Ин-формирование – персональный аналог использования открытого доступа к информации (опен-сорсинга), аутсорсинга, инсорсинга, возможности организации цепочек поставок и оффшорного рабочего места для отдельного человека. Ин-формирование – это способность строить и разворачивать вашу собственную сеть снабжения: информацией, знаниями, развлечениями. Ин-формирование – это “самосотрудничество”, превращение вас в вашего собственного уполномоченного исследователя, редактора и отборщика развлечений, которому нет необходимости зависеть от библиотеки, кино и телеканалов» [20, с. 200].

Фридман определил последствия вхождения интернета в повседневность как «демократизацию информации». Ссылаясь на слова соучредителя Yahoo! Джерри Йенга, он писал, что «демократизация информации оказывает глубочайшее воздействие на общество. Сегодняшние потребители намного более эффективны в этом своем качестве; информацию, товары, услуги они раздобудут быстрее с помощью поисковой машины, нежели пользуясь традиционными средствами. Они, – уверял нас в 2005 г. Фридман, – лучше осведомлены обо всем, что касается работы, здоровья, досуга и т.п.» [20, с. 201]. «Мы знаем тех, кто с помощью Google находил симптомы инфаркта и после этого звонил в службу 911» [20, с. 202].

Удивительно интересно, в каком контексте тогда, в начале двухтысячных, характеризовал возможности, предоставляемые Google, исполнительный директор компании Э. Шмидт: «поиск – такая индивидуальная вещь, что обладание сверхэффективным поисковым инструментом расширяет возможности людей как ничто иное. Это антитеза к указаниям и поучениям, – это накачка потенциалом – потенциалом делать то, что ты считаешь наилучшим, с информацией, которая тебе нужна. И это намного отличается от всего предшествующего опыта. Радио работало по принципу “одно для многих”. Телефон работал по принципу “один на один”. Интернет-поиск – окончательное выражение мощи отдельного человека, использующего компьютер, смотрящего на мир и находящего то, что ему нужно, – ведь в этом ни один человек не похож на другого» [20, с. 204].

ДИЛЕТАНТИЗМ И ВНУТРИВИДОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Именно эта, подаренная человеку интернет-технологиями иллюзия полной и, главное, ни от кого иного, кроме конкретного пользователя, не зависящей власти над информационным пространством, над «третьим миром» нашего существования, иллюзия даже не выигрыша в конкурентной борьбе с себе подобными, а вовсе отсутствия этой конкурентной борьбы, иллюзия не то чтобы победы над авторитетом, но его полного исчезновения в обезличенном информационном пространстве – безусловно, сделала поиск информации своеобразным источником наслаждения наших современников, стремительно превращая их в дилетантов, вдохновленных ощущением абсолютного господства над своей собственной информационной вселенной.

Конечно, тема конкуренции с обладателями авторитета, статуса профессионала, знатоками в той или иной области знаний, мудрецами – отнюдь не нова. Внутривидовая конкуренция – это основа эволюции человечества. Отсюда этот аспект нашей жизни имманентен всей его истории.

Здесь, с одной стороны, можно вспомнить убеждение Аристотеля в том, что «мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр» [2, с. 9]. С другой – указать на наставления Сенеки, согласно которым: «взрослому же и сделавшему успехи стыдно срывать цветочки изречений, опираясь, как на посох, на немногие расхожие мысли, и жить заученным на память. Пусть стоит на своих ногах и говорит сам, а не запоминает чужое. Стыдно старому или пожилому набираться мудрости из учебника. – “Так сказал Зенон”. –

А ты сам? – “А это сказано Клеанфом”. – А ты-то кто? До каких пор будешь под началом у других? Командуй сам, скажи слово, достойное памяти. Изреки что-нибудь из себя. На мой взгляд, все эти не создатели, а толкователи, прячущиеся в чужой тени, не обладая ни каплей благородства, век не осмелятся сделать то, чему так долго учились. Они поднаторели запоминать чужое. Но одно дело помнить, другое знать! Помнить – значит сохранить в памяти порученное тебе другими, а знать – это значит делать и по-своему, не упершись глазами в образец и не оглядываясь всякий раз на учителя. – “Так сказал Зенон, это сказано Клеанфом”. – Не становись второю книгой! До каких пор ты будешь учиться? Учи других, пора! Зачем мне слушать то, что я и сам могу прочесть?» [15, с. 116].

Можно также обратиться к удивительно дипломатичному высказыванию Р. Бэкона: «имя авторитета достойно благожелательного отношения. А потому наши предшественники достойны почитания, независимо от того, обладают ли они истинным авторитетом или же [только] кажущимся, который является авторитетом вождей толпы. А против использования кажущегося авторитета подходят не только советы и заповеди, данные Богом, святыми, философами и всеми мудрыми, но и все то, что могло быть сказано истинными авторитетами против пороков человеческой слабости, может быть равным образом [обращено против] тех, кто пользуется ложным авторитетом. А потому, если у нас есть советы и заповеди против недостатков истинных авторитетов, то куда большими средствами [мы располагаем в борьбе] против тех, кто злоупотребляет [именем авторитета]» [3, с. 63].

С другой стороны, уместным здесь будет и высказывание его не менее знаменитого однофамильца Ф. Бэкона: «едва ли возможно одновременно и преклоняться перед авторами и превзойти их» [4, с. 63], «и пусть ни величие авторитета древних, ни огромные фолианты современных ученых не мешают никому острым умом проникать в неизведанное» [4, с. 156].

Уже гораздо ближе по времени к нашей с вами современности, М. Вебер (М.С.Е. Weber; 1864–1920) писал: «в наши дни мода и литературные склонности породили уверенность, что можно обойтись без специалиста или свести его роль к вспомогательной деятельности на службе “созерцателя”, интуитивно воспринимающего действительность. Почти все науки обязаны кое-чем дилетантам, часто даже весьма ценной постановкой вопросов. Однако возведение дилетантизма в научный принцип было бы концом науки. Пусть тот, кто ищет созерцаний, отправляется в кино» [5, с. 16].

Тема эта безгранична, и стремление человека превзойти тех, кто по существу является его явным или косвенным соперником за место победителя во внутривидовой конкуренции, тысячелетия остается неизменным. Но никогда за эти тысячелетия, технологические (инструментальные) новации не дарили каждому желающему столь сладостной иллюзии достижения этой победы одним лишь кликом на своем гаджете.

Здесь характерно, что продолжая восторгаться возможностями новых технологий, Фридман буквально на следующей странице после утверждения о том, что в поиске информации в интернете «ни один человек не похож на другого» [20, с. 204], пишет: «потребители информации все больше превращаются в ее производителей, все больше *привыкают* (выделено нами. – **М.П.**) формировать окружающее пространство по *своему* (выделе-

но автором) выбору – находить его тогда, там и так, когда, где и как им этого хочется» [20, с. 206]. «В эпоху сверхэффективного поиска, – продолжает Фридман, как бы не замечая противоречия с предшествующими утверждениями, – знаменитостью становится каждый: Google ровняет информационное поле, классовые и образовательные перегородки рушатся под его напором. “Если я умею работать с Google, я найду все, что угодно”, – сказал мне А. Козн, вице-президент компании “Эйр-спейс”, торгующей беспроводными технологиями. – Он как Бог: обходится без проводов, всюду присутствует, все видит. И любой вопрос, который у вас возникает, вы адресуете ему» [20, с. 207].

ИЛЛЮЗИИ УПРОЩЕНИЯ

Однако доступность данных не изменила наших умственных способностей, оставшихся в целом такими же, какими они были и в XX в. Даже если среднестатистический человек пожелает стать профессионалом во всех областях, данными о которых он интересуется в интернете сегодня, он будет попросту не в состоянии этого сделать из-за своих совершенно естественных ограничений как представителя вида.

Данная ситуация очень быстро сформировала запрос массового пользователя данных на максимальное упрощение формата и содержания предоставляемой ему информации, ее максимальной схематизации, визуализации, уменьшения объемов использования специальной терминологии, максимальный уход от «академичности» предлагаемых материалов и т.п. И этот запрос стремительно был удовлетворен, и эта тенденция максимального упрощения подачи данных продолжает набирать обороты. Его удовлетворению чрезвычайно способствовало и то обстоятельство, что интернет стал самым обширным полем рекламы в современном мире.

Как здесь вновь не вспомнить «Метафизику» Аристотеля, который, продолжая мысль о стремлении к знанию как природном свойстве человека, отмечал, что «доказательством тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение, можно сказать, мы предпочитаем всем остальным восприятиям» [2, с. 5]. А Ф. Бэкон писал в связи с этим, что «не воспринимает невежда слов науки, если не сказать прежде то, что заключено в его сердце» [4, с. 69].

Весьма наглядным примером здесь является получившая огромную популярность в последние годы система рейтингования «всего и вся» в самых разных областях социальной активности. Рейтингуются вузы, медицинские учреждения, футбольные клубы, школы, рестораны, авиакомпании и т.д. и т.п. Какие бы критерии не были заложены в конкретную процедуру рейтингования, его результат будет казаться понятным любому. Что может быть очевиднее утверждения о том, например, что компания X занимает 27-е место в списке 100 ведущих компаний отрасли?! Все остальное – т.е. все примененные критерии отбора, выбор количества мест в списке и т.д. – кажется как минимум второстепенным и воспринимается как уже не значимое. На нас производит впечатление максимальная наглядность данных рейтинга.

Рассматриваемое положение, с одной стороны, стало приводить к стремительному обесцениванию социального статуса профессионального образования и профессиональных навыков, с другой – создало широчайшие новые возможности для манипуляции впечатлениями и действиями потребителей соответствующих данных. Наша индивидуальность в сети фантастически иллюзорна, ведь «заходя в Сеть, мы движемся по сценарию, написанному кем-то другим. Мы следуем алгоритмам, которые мало кто мог бы понять, даже если бы увидел исходные коды. Когда мы ищем информацию с помощью Google или другой поисковой машины, то следуем сценарию. Когда мы изучаем продукт, рекомендуемый нам Amazon или Netflix, мы следуем сценарию. Когда мы выбираем значения из списка категорий для того, чтобы описать себя на странице в Facebook, мы следуем сценарию» [8, с. 224].

Вместе с тем именно небывалая доступность колоссального объема данных, характеризующих самые разные стороны нашей жизни, в том числе и нашей повседневности, в сочетании с отсутствием у их пользователей необходимых профессиональных навыков во многом и сформировали известный эффект «скольжения по информационной поверхности» «серфинга информации», широко обсуждаемый в настоящее время.

«ПРОФЕССОРУ СМОТРИТЕ В РОТ И ПОВТОРЯЙТЕ, ЧТО ОН ВРЕТ»

Далее, сложившаяся ситуация поставила в определенный тупик формировавшиеся веками схемы образовательного процесса на всех его уровнях – от начальной школы до верхних ступеней высшего образования. Преподаватели стали терять роль носителей знания, все больше уступая ее поисковым алгоритмам, при этом не всегда будучи готовыми к роли трактующих огромное разнообразие доступной информации.

Процитированные выше слова Сенеки «Зачем мне слушать то, что я и сам могу прочесть?» – стали как никогда актуальны, приобретя новое звучание. Пророческими здесь можно признать слова М. Маклюэна о влиянии на образование телевидения, как в определенном смысле предшественника интернет-медиа или интернета как медиа: «телевидение представляет собой окружающую среду. ... Дети из Уоттса (Калифорния) правы, когда спрашивают: “Почему мы должны ходить в школу только ради того, чтобы прерывать наше обучение?” Телевидение – не утвержденный курс лекций по какому бы то ни было предмету, но оно совершенно определенно соответствует характеристикам естественной среды, в которой ребенок кормится и ищет свой путь, как делал всякий индеец, выходя из вигвама» [9, с. 79–80].

Относительно недавно у нас в университете (СПбГУ) с гостевой лекцией выступал профессор М.И. Кутер, рассказывавший студентам о своих исследованиях архивных материалов, раскрывающих содержание итальянских бухгалтерских книг XIV в. Когда затем я стал спрашивать студентов об их впечатлениях от услышанного, комплименты лектору можно было объединить в следующий тезис: «это было очень интересно, так как он рассказывал то, чего мы потом, заинтересовавшись, не смогли найти в интер-

нете», иными словами, то, что рассказывал М.И. Кутер, нельзя было «погуглить» и найти без того, чтобы проводить время в аудитории.

Сегодня также можно наблюдать стремительное обесценение статуса авторства публикации и, соответственно, статуса именно автора, а не предложившего тебе данный текст поискового алгоритма как авторитета и источника знаний.

В последние примерно пять – шесть лет ради своеобразного эксперимента, давая индивидуальные задания в рамках небольшого курса, который я читаю студентам бакалавриата третьего года обучения, я перестал инициативно советовать источники по соответствующей теме до того момента, как такая просьба не поступит от самого учащегося. С каждым годом, отмечу, количество студентов, самостоятельно спрашивающих об источниках для подготовки, снижается. Более того, все чаще на слайдах доклада по теме, отражающих использованные источники, студенты стали помещать только ссылки на интернет-ресурсы. При этом буквально «классической» становится такая сцена: студенту задается уточняющий вопрос по сделанному сообщению, на который он затрудняется ответить, и далее следует примерно следующий диалог:

«Какими источниками Вы пользовались?» – спрашиваю я. «Статьями по теме», – следует ответ. «А как Вы искали эти статьи?» «Погуглил тему задания». «А кто автор статьи, по которой Вы готовились?» «Я не помню», – следует очень распространенный ответ. «А почему Вы выбрали именно этого автора?» «Статья выпала в первых строчках ответа на запрос».

При этом часто в ответ на объяснения, в той или иной степени противоречащие утверждениям из найденного источника, следует реакция искреннего удивления – «Но ведь это написано в опубликованной статье!».

Общение с коллегами свидетельствует, что описанная выше ситуация отнюдь не является уникальной. Более того, ее нельзя назвать и новой. Как тут не вспомнить известный разговор Мефистофеля со студентом:

«О нет, собьетесь со стези!
Наука эта – лес дремучий.
Не видно ничего вблизи.
Исход единственный и лучший:
Профессору смотрите в рот
И повторяйте, что он врет.
Спасительная голословность
Избавит вас от всех невзгод,
Поможет обойти неровность
И в храм беспорности введет» [6, с. 70].
«Но более всего режим
Налаженный необходим.
Отсидкою часов учебных
Добьетесь отзывов хвалебных.
Хорошему ученику
Нельзя опаздывать к звонку.
Заучивайте на дому
Текст лекции по руководству.

Учитель, сохраняя сходство,
Весь курс читает по нему.
И все же с жадной быстротой
Записывайте мысли звенья.
Как будто эти откровенья
Продиктовал вам дух святой» [6, с. 69].

Однако современное нам положение дел специфично тем, что технологии интернет-поиска лишили того, «кому нужно смотреть в рот», имени и фамилии, поставив на его место, с одной стороны (фактически), поисковую систему, а с другой (иллюзорно) – пользователя предлагаемой сетью информации.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВЕДЕНИИ ДИЛЕТАНТА

Значимо усилило обсуждаемые здесь процессы и стремительное развитие технологий индивидуализации поисковых алгоритмов, «обучающихся» в процессе обработки запросов пользователя Сети. Здесь, пожалуй, самым ярким примером (как по наглядности, так и по степени влияния на обсуждаемые нами процессы) может служить индивидуальная лента новостей, формирующаяся в социальных сетях, на основе «подписок» потребителя информации. Этот выбор источников информации, сегодня уже во многом формируемый предложениями Сети, создает устойчивую иллюзию не только понимания поступающей информации, но и управления ее потоками, некой псевдовласти над поступающими к тебе данными.

Безусловно, с момента возникновения практики информирования широкого круга лиц (хотя бы с помощью глашатаев), восприятие поступающей информации и реакция на нее формировалась определенной степенью к ней доверия. Однако общий характер поступающих данных (одинаковых для всех) не мог формировать того впечатления, которое способна создать их «индивидуализированная» подача. При этом последняя сочетается с максимальной доступностью и максимальной упрощенностью входящей информации, могущей ограничиваться, например, просто определенным изображением, призванным сформировать строго определенное впечатление потребителя.

И вот с потребителем предоставляемых «поисковыми машинами» данных стали происходить небывалые в истории человечества вещи. Рискну предположить, что примером здесь может служить каждый читатель этой статьи, ровно, как и ее автор. Скажите, кто из нас в последние годы, собираясь к врачу и имея определенные жалобы на свое состояние, не поискал своих симптомов в Google или Яндекс и не сформировал уже определенное суждение о своем возможном заболевании. А кто хоть раз по этим основаниям не почувствовал хотя бы легкого сомнения в поставленном нам специалистом диагнозе?

Сказанное выше свидетельствует о том, что мы являемся современниками обусловленного развитием технологий значительного изменения роли дилетанта как участника общественных отношений. Дилетанта не того как того, кто «занимается наукой или искусством без специальной подготов-

ки, обладая только поверхностными знаниями» [13, с. 147], но и как того, кто выносит суждения об использовании (потреблении) продуктов соответствующих наук и искусства, опираясь на такие «поверхностные» знания, заменяющие ему суждения специалиста в соответствующей области.

Именно информационные технологии позволили, таким образом, во многом реализоваться чертам представителя «радикализованной современности», сформулированным Э. Гидденсом еще в 1990 г. следующим образом: «рассматривает “Я” как нечто большее, чем пространство пересечения различных сил; благодаря современности становится возможным активный процесс формирования рефлексивной “самоидентичности”; “рассматривает повседневную жизнь как активный комплекс реакций на абстрактные системы, включающий как усвоение, так и отказ от чего-то”; “определяет постсовременность как возможные трансформации, выводящие за рамки институтов современности”» [7, с. 292–293].

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Все обсуждаемые в данной статье процессы имеют самое непосредственное отношение к экономической жизни общества, не развивающейся, как известно, изолированно от прочих («неэкономических») аспектов существования социума, а, наоборот, будучи тесно вплетенной в практически любые стороны его развития. Изменение роли дилетанта в принятии экономических решений сдвигает границы доверия как основы экономической деятельности. В определенной степени доверие профессионалу, профессиональному институту, «абстрактной экспертной системе» (Гидденс) трансформируется в доверие алгоритму поиска информации и себе как ее пользователю. В рамках общей тенденции чрезвычайного упрощения и формы и содержания предоставляемых пользователю данных, такое положение наблюдается и в практике работы с экономической информацией.

То, что уже давно произошло в сфере маркетинга, формирующего способности рекламного воздействия на потребителя товаров, начинает происходить сегодня и в области данных, характеризующих корпоративных субъектов хозяйственных отношений.

Характерен здесь пример современной корпоративной отчетности, в практике которой наблюдается значимое расширение объемов, представляемых заинтересованным лицам нефинансовых данных, развитие способов визуализации информации, упрощение ее подачи через отказ от «избыточной» профессионализации и т.п. Иллюстрациями здесь могут служить такие новые виды корпоративной отчетности, как интегрированная, об устойчивом развитии, социальная, экологическая.

Отсутствие должной детализации правил формирования, (как следствие) сложность проверки представляемых данных, неприменимость логически обоснованных методов анализа к содержащимся в такой отчетности данным, – компенсируется чрезвычайной наглядностью, псевдопонятностью, «дружелюбностью» подачи, ориентацией на *любого* заинтересованного пользователя и т.д.

Здесь характерны результаты работы последних международных конгрессов бухгалтеров 2014 и 2018 г. Конгресс 2014 г. в Риме фактически

сформулировал требование общественности к профессионалам в области формирования и аудита корпоративной отчетности сделать ее «понятнее» «простому» пользователю – непрофессионалу [23]. А на конгрессе 2018 г. в Сиднее среди ключевых докладчиков и вовсе не нашлось места для профессионалов в области учета и корпоративных финансов [24].

Как и во всех сферах общественной жизни, рассматриваемые тенденции в экономике также отнюдь не новы. Более того, они характерны для экономической деятельности чуть ли не в первую очередь. Так, например, по словам Ф. Найта (F.H. Knight), «на практике есть огромная разница между распространением среди населения правильных идей в сфере человеческих отношений и в области механики. ... Когда речь идет о результатах, связанных с неживой материей, малосущественно, верят ли вообще люди в глубине души в то, что энергию можно производить из ничего, или в то, что пушечное ядро, погрузившись в воды океана, застрянет на полпути ко дну и останется там в подвешенном состоянии, или еще в какую-нибудь фундаментальную нелепость. Здесь, по крайней мере, существует исторически сложившаяся традиция, признающая значимость знаний и профессионального обучения, так, что можно убедить невежду прислушаться к суждениям знающих людей. В случае естественных наук широкие массы охотно берут, используют и сами конструируют разные приспособления, научные основы функционирования которых им неведомы и безразличны. Обычно можно устроить скромную демонстрацию возможностей таких приспособлений и буквально поразить воображение людей “результатами”. Но в области социальных наук, к счастью или к несчастью, такие приемы не проходят. Вся сложившаяся традиция склоняет нас к той точке зрения, что “Том, Дик и Гарри” обладают в этой сфере такими же познаниями, как и любой “высокотехнологичный”; тут уж невежда не станет прислушиваться к мнению знатока, а при отсутствии добровольного желания выслушать нет возможности устроить объективную демонстрацию. Если наша социальная наука хочет пожать плоды в виде улучшения качества жизни людей, – заканчивал Найт, – эту науку, прежде всего, нужно в значительной части “продать” массам. Тем самым налицо необходимость создания не просто точной и убедительной, но и, насколько это возможно “элементарной” литературы» [12, с. 24–25].

«Продажа» «элементарных» данных невежде, согласитесь, это то, что удается благодаря современным технологиям поиска информации просто блестяще. Как отмечают лауреаты Нобелевской премии по экономике Д. Акерлоф (G.A. Akerlof) и Р. Шиллер (R.J. Shiller), нам и до появления нашей «персональной новостной ленты» в сети, было свойственно, «слушая новостную программу (или читая газету) ... принимать за чистую монету все, что слышим (или читаем), и при этом неважно, что именно нам пытаются преподнести. Где-то глубоко в нашем мозгу вертелась мысль, что редакторы отсортировали те новости, которые, с их точки зрения, наилучшим образом соответствуют “реальным” интересам их зрителей и слушателей. Они действуют как наши новостные опекуны» [1, с. 90].

«Предприниматели проявляют чудеса изобретательности, чтобы внушить нам мысль о необходимости приобрести их продукты, вместо того, чтобы заняться выпуском того, в чем мы действительно нуждаемся. ... Никому не хочется быть ограбленным, и все же нас грабят даже при совер-

шении самых продуманных покупок в жизни» [1, с. 19] – эти утверждения принято связывать со сферой частного (конечного) потребления. Вместе с тем очевидно, что так как вся экономика формируется ничем иным, как действиями людей, определенная степень иррациональности необходимо присуща всем ее сферам [17, 22]. И вот как рекламный продукт начинает действовать и корпоративная отчетность, и «когнитивные простакки [и здесь] исходят из информации, которая преднамеренно сфальсифицирована, чтобы ввести их в заблуждение. Примером простаков этого типа могут служить акционеры компании Enron, экономический подъем которой основывался на использовании неадекватного (а впоследствии мошеннического) бухгалтерского учета» [1, с. 16]. Отсюда эффект дилетантизма в принятии экономических решений может в ближайшем будущем приобрести, без преувеличения, колоссальные размеры.

Вместе с тем этот тезис в настоящее время (в условиях современного уровня развития технологий оценки поведения человека) совершенно не может быть научно ни доказан, ни опровергнут. Экономические решения, по-прежнему, будут приниматься людьми, обладающими определенными размерами капитала. Сам факт прав собственности на их состояние в совокупности с наличием дееспособности будет давать им право принимать соответствующие экономические решения по распоряжению этими средствами и совершать соответствующие этим решениям сделки. И для самого осуществления этих сделок, и для их действительных последствий в виде динамики прав и обязательств, связанных с их (сделок) предметом, доли «дилетантизма» и «профессионализма» как мотивов принятия того или иного решения не будут иметь абсолютно никакого значения (вне, конечно, юридических оснований признания той или иной сделки действительной).

И вот именно эта «строгая недоказуемость» степени влияния дилетантизма как характеристики поведения, формирующей восприятие окружающей действительности участниками социально-экономических отношений, способна превратить его в один из самых серьезных (неисчисляемых или сверхсложно исчисляемых) рисков экономической деятельности ближайшего будущего.

В качестве средств минимизации этого риска как характеристики современной экономической жизни потенциально могут служить этика и социальная ответственность ее участников, просвещение самых широких слоев общества и нормативно-правовое регулирование хозяйственной деятельности.

Литература

1. *Акерлоф Д., Шиллер Р.* Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 320 с.
2. *Аристотель.* Метафизика. М.: Из-во «Э», 2016. 448 с.
3. *Бэкон Р.* Избранное. М.: Издательство францисканцев, 2005. 479 с.
4. *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1977. 567 с.
5. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 656 с.
6. *Гете И.В.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1976. 510 с.

7. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.
8. *Карр Н.* Пустьшшка. Что интернет делает с нашими мозгами. М.: BestBusinessBooks, 2012. 253 с.
9. *Маклюэн М.* Война и мир в глобальной деревне / Маршалл Маклюэн, Квентин Фиоре; пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.
10. *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
11. *Моррис Д.* Голая обезьяна. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 848 с.
12. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. 360 с.
13. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 816 с.
14. *Поппер К.Р.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: Издательство «ЛКИ», 2008. 256 с.
15. *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Эксмо, 2010. 576 с.
16. *Стругацкий А.Н.* Пикник на обочине / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. М.: Издательство «АСТ», 2018. 256 с.
17. *Талер Р.* Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Издательство «Эксмо», 2018. 368 с.
18. *Форд М.* Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с.
19. *Френк Р.* Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 352 с.
20. *Фридман Т.* Плоский мир: краткая история XXI века. М.: АСТ, 2006. 601 с.
21. *Хайек Фридрих Август фон.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
22. *Шиллер Р.* Иррациональный оптимизм. Как безрассудное поведение управляет рынками. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. 420 с.
23. WCOA 2014, Rome, November 10–13, 2014. 208 p.
24. <https://wcoa2018.sydney/>

Bibliography

1. *Akerlof D., Shiller R.* Ohota na prostaka. Jekonomika manipuljacija i obmana. М.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 320 p.
2. *Aristotel'.* Metafizika. М.: Iz-vo «Je», 2016. 448 p.
3. *Bjekon R.* Izbrannoe. М.: Izdatel'stvo franciskancev, 2005. 479 p.
4. *Bjekon F.* Sochinenija v dvuh tomah. T. 1. М.: Mysl', 1977. 567 p.
5. *Veber M.* Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. М.; SPb.: Centr gumanitarnyh initsiativ, 2013. 656 p.
6. *Gete I.V.* Sobranie sochinenij. V 10 t. T. 2. М.: Hudozhestvennaja literatura, 1976. 510 p.
7. *Giddens Je.* Posledstvija sovremennosti. М.: Izdatel'skaja i konsaltingovaja grupa «Praksis», 2011. 352 p.
8. *Karr N.* Pustyshka. Chto internet delaet s nashimi mozgami. М.: BestBusinessBooks, 2012. 253 p.
9. *Makljujen M.* Vojna i mir v global'noj derevne / Marshall Makljujen, Kventin Fiore; per. s angl. I. Letberga. М.: AST: Astrel', 2012. 219 p.
10. *Mol' A.* Sociodinamika kul'tury. М.: Progress, 1973. 406 p.
11. *Morris D.* Golaja obez'jana. М.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2018. 848 p.
12. *Najt F.H.* Risk, neopredelennost' i pribyl'. М.: Delo, 2003. 360 p.
13. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo jazyka. М.: Russkij jazyk, 1984. 816 p.
14. *Popper K.R.* Znanie i psihofizicheskaja problema: V zashhitu vzaimodejstvija. М.: Izdatel'stvo «LKI», 2008. 256 p.
15. *Seneka L.A.* Nravstvennye pis'ma k Luciliju. М.: Jeksmo, 2010. 576 p.

16. *Strugackij A.N.* Piknik na obochine / Arkadij Strugackij, Boris Strugackij. M.: Izdatel'stvo «AST», 2018. 256 p.
17. *Taler R.* Novaja povedencheskaja jekonomika: pochemu ljudi narushajut pravila tradicionnoj jekonomiki i kak na jetom zarabotat' M.: Izdatel'stvo «Jeksmo», 2018. 368 p.
18. *Ford M.* Roboty nastupajut. Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty. M.: Al'pina non-fikshn, 2016. 430 p.
19. *Frenk R.* Darvinovskaja jekonomika: Svoboda, konkurencija i obshhee blago. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2013. 352 p.
20. *Fridman T.* Ploskij mir: kratkaja istorija XXI veka. M.: AST, 2006. 601 p.
21. *Hajek Fridrih Avgust fon.* Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nyh principov spravedlivosti i politiki. M.: IRISJeN, 2006. 644 p.
22. *Shiller R.* Irracional'nyj optimizm. Kak bezrassudnoe povedenie upravljaet rynkami. M.: AL'PINA PABLISHER, 2013. 420 p.
23. WCOA 2014, Rome, November 10–13, 2014. 208 p.
24. <https://wcoa2018.sydney/>